

Алексей Загуляев

Эйцехоре

16+

Алексей Николаевич Загуляев
Эйцехоре
Серия «Аримойя», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67917522

SelfPub; 2022

Аннотация

Философское эссе, продолжающее разговор о темах, затронутых в "Розе Мира" Даниила Андреева. Разговор этот был начат в книгах "Семь человечеств Даниила Андреева" и "Уищраоры".

Содержание

Алексей Загуляев

Эйцехоре

О происхождении зла за тысячелетия было написано немало философских и религиозных трудов. Если брать изначальное звено генеалогической цепи зла (а звено такое может быть только мифологическим), то здесь у большинства размышляющих на эту тему (по крайней мере в европейской традиции) не возникает противоречий – когда-то, в немыслимо далёкие исторические времена Люцифер¹ с несколькими другими ангелами отпал от Божественного промысла, пожелав строить мироздание по своему собственному разумению. Так и он, и его последователи превратились в первых демонов, умножая хаос и страдание в тех мирах, в которые они сумели проникнуть. Вопрос происхождения и существования зла настолько важен для религиозных мыслителей, что образовалась даже целая отдельная область – теодицея (оправдание Бога), пытающаяся объяснить как могут сосуществовать рядом всеблагой и всемогущий Бог и страдание, неизбежное для всех живых существ. Это если смотреть на западные религиозно-философские традиции. В древнем мире и на востоке генеалогия и сама теодицея выглядят несколько иначе. В индуизме, например, зло вообще не есть

¹ Люцифер – с позднего Средневековья в христианстве синоним павшего ангела, отождествляемого с сатаной и дьяволом.

то, что как-либо причастно воле богов. Боги там так же подвержены страданиям и иногда смерти, как и люди. Зло возникает из кармы и из неправильно понятых законов жизни. В буддизме центральным пунктом в отношении ко злу является понятие *дуккха*. Истина о дуккхе (страдании) является первой из *Четырёх Благородных Истин* и говорит о внутренних источниках страдания и зла в человеке, в сущности, возникающих от страстной привязанности к чему-либо. Здесь три уровня страдания: страдание страдания (болезнь, боль, старость, потеря близких, смерть), страдание перемен (непостоянство и скоротечность счастливых моментов в жизни) и страдание обусловленности (обусловленный, имеющий причины и следствия, характер всего окружающего). Всех живых существ охватывают собой четыре великих потока страдания: страдание рождения, страдание старости, страдание болезни и страдание смерти. Вторая из *Четырёх Благородных Истин* гласит о причинах возникновения страдания, которые буддизм видит в ненасытном стремлении, влечении к чему-либо. Целиком осуществить все свои привязанности и желания в этом мире невозможно, это ведёт только к кармическим последствиям, которые вовлекают человеческую душу в круговорот *сансары* (бесконечного перевоплощения в несовершенном мире). Третья и Четвёртая Благородные Истины объясняют как можно отказаться от своих желаний и привязанностей, достигнув *нирваны* и выбрав в жизни *срединный путь*, то есть никогда не впадать в крайности, ибо

полный отказ от желаний в принципе невозможен.

В Древней Греции над богами, как и над людьми, властвовала судьба, часто становящаяся причиной страданий и даже смерти. Само зло не ассоциировалось с волей богов, оно было следствием велений судьбы.

Конечно же, во всей своей полноте проблема теодицеи встала с появлением монотеизма и позже в полную силу проявилась в христианстве, поскольку именно в нём Бог есть всеведущий, всеблагой и всемогущий. Без Его воли ни один волос не упадёт с головы человека, и, следовательно, Он тем самым попускает страдание и зло, с логической точки зрения часто незаслуженное и беспричинное для беззащитного невинного животного или ребёнка, не успевшего даже осознать своё бытие. «Бог есть Любовь» стало поворотным утверждением для многих умов, пытавшихся «оправдать» Бога. И если теодицея так и осталась до конца неразрешима, сколько бы теорий ни строили философы и отцы церкви, то с необходимостью устранения зла все соглашались, правда, соотнося это с концом истории в том её виде, в котором мы её осознаём (будь то концепция общественного прогресса или, напротив, регресса). Об этом, в частности, писал Николай Бердяев² в пятой главе второй части *«Философии свободы»*, названной *«Происхождение зла и смысл истории»*. Именно в

² Николай Александрович Бердяев (1874 – 1948) – русский религиозный и политический философ, представитель русского экзистенциализма и персонализма; автор оригинальной концепции философии свободы и концепции нового средневековья.

факте свободы видели философы возможность сосуществования зла с миром божественной всеобъемлющей любви. Такого же мнения придерживался и Ричард Суинбёрн³ («*Есть ли Бог?*»).

Вообще, существуют два вида зла: зло, вызванное воздействием внешних факторов (голод, страх, болезнь, инстинкт как приобретение эволюции вида), и зло, вызванное воздействием внутренней иррациональной потребности (получение удовольствия от причинения кому-то страданий или смерти). Если первый вид зла воздействует как на животное, так и на человека, то второй (за очень редким исключением) не проявляется у животных и всецело является внутренней сущностью человека с тех пор, как он сделался *Sapiens*. То есть, если в первом случае активным действующим «лицом» являются силы для воспринимающего безличностные, то во втором – на него воздействует воля именно такой же личности, как и он сам, хотя это и может являться лишь следствием, к примеру, помрачения рассудка действующего лица, то есть фактора болезни из первой категории. Важна здесь не причинно-следственная цепочка, а факт получения осознанного удовольствия от совершаемого личностью зла, её внутреннего стремления к такому действию, продиктованному неким заложенным в глубине «я» дьявольским механизмом. Но ещё более сложные связи образуются на стыке этих двух

³ Ричард Суинбёрн (1934) – британский философ и богослов, представитель аналитической философии.

зол, когда внутреннее зло начинает маскироваться под зло внешнее. Такая маскировка присуща всем формам масштабных общественных катастроф: революциям, войнам, межэтническим и религиозным конфликтам. Мир вовсе не нуждается в таких видах насильственных трансформаций. Любой вопрос решаем в худшем случае на уровне компромисса. Но именно насилие, становящееся причиной страданий, необходимо второму злу для осуществления его демонических целей.

Я разделил источники зла на два вида лишь для простоты понимания. Конечно, систем подобного разделения в истории философской мысли довольно много, и в большинстве своём они не так просты. А. П. Скрипник⁴, к примеру, делит зло на три типа: зло физическое (разрушение человеческих судеб и взаимоотношений под воздействием стихийных сил природы), зло социальное, когда мир человека (внешний и внутренний) рушится от негативного влияния общественных процессов, и зло моральное, коренящееся, по мнению профессора, в человеческой субъективности и индивидуальности. По поводу последнего типа он пишет: «Это такое употребление специфических личностных способностей (прежде всего, сознания и воли), которое направлено на разрушение человека и очеловеченного мира. В феномене мо-

⁴ Скрипник Анатолий Петрович – доктор философских наук, профессор, исследовавший проблемы морального зла, феноменологию нравственных аномалий.

рального зла происходит самоуничтожение человеческого в человеке, дегуманизация людей» (Скрипник А. П., «*Моральное зло в истории этики и культуры*»). На сколько типов мы ни делили бы зло, среди пунктов всегда найдётся тот самый – моральный, внутренний, сущностный.

Со временем общество выработало механизмы противодействия таким стихийным проявлениям разрушительного духа. И механизмы эти называются *культурой* в широком понимании этого слова (с религией, наукой, искусствами и даже спортом). Только культура способна предотвратить, предупредить или прояснить в истинном свете второй вид зла (или, по Скрипнику, третий), маскирующийся под первый, поскольку апеллирует она не к форме природных явлений или социальных взаимоотношений, а к их существу. Однако до сих пор эта культурная плёнка на массе цивилизации слишком тонка и очень часто рвётся, обнажая внутреннее зло человека во всей его мерзости и бессмысленности. Любая война вырывает человека из этой культурной обёртки, превращая в чудовище, получающее удовольствие единственно от разрушения и от причинения страданий всему живому. Но, к великому сожалению, других сдерживающих факторов, помимо окультуривания, пока не существует, если не затрагивать прямого божественного вмешательства в историю человечества, временами имеющего место быть.

Так что же это за внутреннее зло, о котором мы завели разговор? Где его корень? И каков механизм избавления от

него, должный привести, по Бердяеву, к концу истории? Это зло внутри человека и есть *эйцехоре*, термин, вынесенный в заглавие данного эссе. Именно в такой форме он был озвучен Даниилом Андреевым в его «*Розе Мира*». Читателям, знакомым с моей книгой «*Семь человечеств Даниила Андреева*», предыстория появления в человеке эйцехоре хорошо известна, но для тех, кто недостаточно знаком с «*Розой Мира*» или с моими размышлениями о творчестве Андреева, постараюсь вкратце разъяснить положение дел.

Наша разноматериальная вселенная пронизана миллионами миров, познать которые целиком и во всех нюансах не под силу ни одному человеку. И даже отдельные планеты насыщены параллельными с видимым физическим слоями, стоящими в иерархии либо ниже, либо выше нашего привычного мира по силе и степени на него воздействия. Наш материальный мир (вместе со всей видимой вселенной) называется Энроф и наделён тремя пространственными измерениями и одним временным. В других параллельных слоях нашей планеты существуют системы с куда большим количеством измерений. Все в целом они образуют так называемую *брамфатуру*, у которой есть имя Шаданакар. Все слои брамфатуры так или иначе взаимодействуют друг с другом и оказывают друг на друга влияние (в большей или меньшей степени). Носителями таких действий являются сущности, различные по своим масштабам и силе (сами люди, демиурги, ангелы, даймоны, демоны, иерархии и стихии). Для нас

сейчас важны последние из вышеперечисленных – стихии. Всё существенное для Энрофа (и в целом для Шаданакара) может быть выражено в виде ЦАРСТВ. Понимание этих царств отчасти чем-то похоже на то, о чём говорят учёные, когда описывают земную природу. Но это только с формальной стороны. Но и такого представления вполне достаточно для понимания той метафизической структуры, которая стоит за земными царствами и где протекает непосредственное бытие тех сущностей, которые Даниил Андреев называет Верховными Стихиялями. Стихияли – это богосотворённые монады, становление которых происходит преимущественно через привычные нам царства природы; в большинстве случаев они не имеют физического (в строгом смысле) воплощения. Существует семь Верховных Стихиялей (малые стихияли мы разбирать не будем):

1. Ваюмн, «Царь Благословляющих Крыльев» – воплощённый дух воздушного океана.

2. Эа (или Вларол), «Царь Оживляющих Вод» – хозяин и хранитель мировых вод. Вместе с братом Ваюмном они несут вечную стражу у самых истоков жизни, и в Энрофе, и во многих других сакуалах (взаимосвязанных системах слоёв). Они абсолютно безгрешны, в отличие от своего третьего брата, Повурна.

3. Повурн, «Царь Пылающего Тела» – властелин подземных магм. Хотя он не является слугой Гагтунгра (планетарного демона Шаданакара, дьявола в обыденном представ-

лении), однако нельзя не увидеть за его разрушительными действиями причину многих земных катастроф и, как следствие, смертей и страданий для других царств природы.

4. Заранда, «Царь всех животных царств». Именно он формирует физические тела и цепи рода всех животных, кроме человека, тело и цепь рода которого формируется его сестрой, тоже Великой Стихиалью, Лилит.

5. Лилит. «Всенародная Афродита» человечеств, причина возникновения в человеческом роде того самого эйцехоре, носительницей которого она является в силу давних трагических событий космического масштаба. Она формирует физическую плоть не только всех человечеств (нашего человечества, прошлых человечеств титанов и селенитов), но и телá даймонов, а также демонические тела (создаваемые из карроха), тела раруггов и игв (представителей античеловечества) и тела обитателей Дуггура (лунного ада).

6. Эстира, «Царица Вечного Сада» – хозяйка растительных царств Шаданакара (не только в слое Энрофа).

7. «Мати» – это мать всех вышеперечисленных Великих Стихиалей. Она есть мать в самом глубоком смысле этого слова, без деления на какую-либо функциональность. Она мать всему существующему в Шаданакаре – и стихиали, и ангелу, и демону, и зверю, и человеку... Её оплодотворяет Солнце, и она исполнена неистощимой и всеобъемлющей любви ко всем, даже к самым тёмным демонам, тоскуя и скорбя из-за их отступничества от Божественного плана.

Благоговеет она лишь перед Христом и наивысшими иерархиями Шаданакара.

Как я уже сказал, носителем и первопричиной «внутреннего» зла в человеке, является Лилит. И зло было определено Андреевым как семя дьявола в человеке, эйцехоре. Теперь нам будет вполне понятно его собственное определение из «Розы Мира»: *«Некогда, в глубочайшей древности, эта стихия стала супругой Первоангела – того величайшего Духа, что сделался Логосом Шаданакара. Это было во времена творения ангельских слоев, и Лилит стала праматерью этого первого человечества. Но Гагтунгр сумел проникнуть в мир Лилит, и ее тончайшее материальное тело восприняло в себя некий демонический элемент. Это была катастрофа. С тех пор все цепи рода, формируемые ею, будь то в мирах титанов, даймонов или людей, воспринимают в себя нечто от этого элемента. Еврейская мистика знает термин "эйцехоре" – семя дьявола в человеке. Попробуем пользоваться им для обозначения этого проклятого семени и в человеке, и в самой Лилит, несущей его в себе по сей день, и в ее кароссах!».*

В иудейской раввинистической традиции есть понятие *йецер*, в древних текстах ещё отдельное от характеристики «хара». Впервые оно встречается в «Танахе». Но там оно является не каким-то отдельным объектом-существительным, а скорее действием, процессом некоего творения. В книге «Бытие» (6:5) сказано следующее: *«И увидел Господь, что*

*велико развращение человекoв на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время». Здесь в первичном источнике на месте «мысли и помышления» стоит именно то самое *йецер* как действие, т. е. в точном переводе – «создание мыслей», своего рода «процесс измышления, мечтания». Важно отметить, что этот центр формирования мыслей помещается уже внутрь человека, в его сердце – «мысли и помышления сердца». Об этом подробно писал Ишай Розен-Цви в своей книге 2011-ого года «*Бесовские поползновения: йецер-хара и проблема зла в поздней античности*».*

Со временем *йецер-хара* (или в другом написании *йецер а-ра*) перестаёт быть действием и обретает предметность. И это опредмеченное зло внутри человека начинает противостоять доброму человеческому началу (*йецер а-тов*). Это разделение произошло примерно в III веке, в эпоху амораев. Так или иначе, с бóльшей или меньшей степенью абстрактности, это противостояние позднее выльется в соперничество между духом и плотью, между душой и телом, что не будет противоречить и буддийским Четырёх Благородным Истинам. И связь между *йецер-хара* и физическим телом человека становится очевидной. То, что Андреев по-своему искажил звучание слова и вместо *йецер-хара* написал *эйцехоре*, было вполне уместным, поскольку *эйцехоре* стало своего рода новой ступенькой в познании этого элемента и вобрало в себя много нового, чего в изначальном *йецер-хара* не было

(по крайней мере в открытых источниках).

Можем ли мы, пользуясь современным состоянием научной и философской мысли, попытаться определить когда впервые объявилось на Земле зло? Казалось бы, это вопрос, на который не существует ответа. Но так ли это? Если следовать логике древнейших мифов (как западных, так и восточных), то, действительно, начала этого найти невозможно. Боги, бывшие до человека, любили и ненавидели, вступали в союзы и вели беспощадные войны, были способны на подвиги и на предательство... В общем, ничем от человека, унаследовавшего такой образ действий, не отличались. Боги были в состоянии и вовсе разрушить созданный ими мир.

И всё же мы попытаемся из этой логики выйти и посмотреть на эволюцию нашей планеты несколько под иным углом. Возможно, это будет всего лишь одной из бесчисленных спекуляций на фоне не до конца изученной реальности, но попытка, как говорится, не пытка.

Предположительное начало зла в физическом слое земли (если предположить, что некие божественные и демонические существа действовали всё-таки большей частью в мире не физическом) можно обнаружить, обратившись к исследованиям современных учёных, в частности, палеонтологов.

Согласно современным данным геохронологической шкалы (шкалы истории земли в геологии и палеонтологии) возраст нашей планеты насчитывает приблизительно 4,5 миллиарда лет. Эта шкала делит историю на временные ин-

тервалы, границы которых определяются какими-либо важнейшими событиями, меняющими вектор земной эволюции. Вендский (эдиакарский) период, интересующий нас прежде всего, начался примерно 635 миллионов лет назад, совпав с окончанием глобального оледенения. Продлился эдиакарский период чуть больше ста миллионов лет (или, по другим источникам, чуть меньше) и закончился 541 миллион лет назад, сменившись кембрийским периодом и началом палеозойской эры и фанерозойского эона, завершившего эон докембрийский, длившийся целых четыре миллиарда лет. Именно в кембрийском периоде можно впервые явно увидеть присутствие на планете зла (если не брать в расчёт непрекращающуюся вулканическую деятельность), потому что именно в это время многоклеточные животные организмы начинают вооружаться экзо- и эндоскелетами, защищаясь от неблагоприятной среды и от первых в известной истории хищников (представителей вида радиодонтов, например, трёхглазого аномалокариса или похожего на корабль из «Звёздных войн» и названного в честь этого корабля *Cambroraster falcatus* («Тысячелетний сокол»). Палеозойская эра 300 миллионов лет спустя сменилась эрой мезозойской, которая большинству уже хорошо понятна хотя бы по фильмам с чудовищами юрского периода. Но истоки зла следует искать, судя по всему, именно в кембрийском периоде либо в самом конце эдиакара.

Но для того, чтобы понять, какие именно события произо-

шли с животными, что так ясно указывало бы на проникновение в их существо зла, мы должны хотя бы на уровне эмоций окунуться в те предшествовавшие страшной трагедии сто миллионов лет, когда на Земле царила вендская (эдиакарская) биота, ещё не омрачённая тенью надвигающейся беды.

Огромные пространства суперконтинента Паннотии наконец начали избавляться от ледового панциря, сковывавшего сушу и океаны миллионы лет. Активизировалась вулканическая деятельность. Средняя температура воздуха на планете колебалась от +17 до +22 градусов Цельсия. Кислорода для нас, оказавшихся на берегу спокойной и неглубокой бухты, было бы недостаточно, чтобы мы свободно дышали. Но мы-то присутствуем там только в своём воображении и потому о дыхании даже не задумываемся. Воздух прозрачен. Вдалеке, за зелёной гладью океана, виднеется чуть дымящееся жерло вулкана. Дым почти вертикально ползёт вверх, и высоко-высоко в светло-оранжевом небе тает, сливаясь с серыми облаками. Сам берег, где мы сидим, и вся земля, которую мы можем видеть у себя за спиной, совершенно лишены растительности и чернеют на фоне зелёного и оранжевого. Вся жизнь сосредоточилась в бухте. Вот где наши глаза разбегутся от разнообразия красок и форм. Вот огромная дикинсония, плоская, похожая на лист лопуха, испещрённая бороздками, всем телом прилепилась к самому дну, которое сплошь усеяно микробными матами. Эти маты

служат пищей для всех существ, живущих в океане. Вот закрапал тёплый дождь, и в томном воздухе раздался то ли рокот далёкого грома, то ли ворчание древнего вулкана. В бухте всколыхнулась вода, и в глубине вздрогнула голубая чарния, подобная гигантскому перу волшебной птицы, словно воткнутому на круглой присоске в дно. Задвигались похожие на трилобитов сприггины. Розовые свартпунтии, как игрушечные деревья в японском саду, встрепенулись четырьмя своими вертикальными плоскостями. И вслед за ними заколыхались многочисленные лепестки жёлтой эрниетты, похожей на раскрывшуюся маковую коробку. Фиолетовые инарии, видом напоминающие луковицы чеснока с трубочками вместо стрелок, выпустили в воду струйки чернильных сгустков. И только розоватый трибрахидиум, которого трудно с кем-либо перепутать из-за его трёхлучевой симметрии, остался спокоен. Многоликая жизнь бухты никуда не спешит и ни с кем не враждует, день за днём, на протяжении ста миллионов лет. Первые признаки катастрофы появляются уже на самом исходе венда, перед кембрием. Если мы оставим мирную бухту и унесёмся духом в более плотные слои Шаданакара, то в это время найдём там полчища демонических существ, вторгшихся из космоса в брамфатуру и ведущих борьбу с силами света. Мощь демонов иссякает, и им требуется источник энергии, как и любому живому существу. И в качестве такого источника они выбирают жизнь в Энрофе. Об эйцехоре тогда ещё не шло речи. Просто некоторым из

животных была внедрена в их природу необходимость добывать себе пищу путём убийства более слабых. Причинённые таким образом страдания (в виде боли, болезни и страха) и стали этой самой энергией, которую Андреев обозначил термином *гаввах*. Пока ещё можно говорить о некоем протогаввахе, поскольку гаввах в полном своём значении станет охватывать позже намного бóльший спектр эмоциональных и физиологических переживаний. Сами хищники, разумеется, не отдавали себе в этом отчёта, следуя обычному инстинкту самосохранения. Страдание обретало всё бóльшие и бóльшие масштабы. Однажды по каким-то причинам усложнявшимся демоническим мирам перестало хватать гавваха. Может быть, жертва недостаточно долго мучилась перед смертью, или страх стал привычным, лишённым внутреннего переживания инстинктом. Потребовалось зло иного свойства, зло, которому не нужны были оправдания в виде голода или инстинктов. Потребовалось зло ради самого зла. А для этого со стороны животного необходимы были осмысленные действия. Это животное должно было понимать в приемлемой полноте ЧТО именно оно совершает, должно само получать от совершаемых действий эквивалент удовольствия, не основанного на рациональной потребности, а, может быть, на простой химии дофаминовой подпитки. В общем, из толщи животного мира необходимо было выделить человека разумного. А тем зерном, становящимся источником распространения страданий и помещённым в самую суть человека, в

его сердце, в его генетическую структуру, и стало то самое эйцехоре.

Надо понимать, что страдание, боль, вожделение и страх не существуют только в нашем физическом мире (Энрофе), но в ещё бóльших количествах присутствуют в адских (инфернальных) слоях, где мучаются преступившие за «черту зла» грешные существа, вовлекаемые туда законами кармы, изобретёнными тоже демоническими умами. В этих слоях после смерти (или трансформы) оказываются не только люди, но и сами демоны, и представители иных структур Шада-накара. Но опять же, для того чтобы зайти за эту «черту зла», необходимо её осознавать, т. е. обладать хотя бы зачатками отвлечённого от предметности сознания. Подавляющее большинство животных этого не осознают, и отсутствие в их существе эйцехоре может легко ощутить любой, кто долгое время общался тесно с животными. Это существенное замечание с моей стороны, поскольку я сам долгое время имел тесный контакт с голубями, и могу говорить об этом на основе своего реального опыта – отличие животного от человека разительно, и если вы хотите просто почувствовать (не осознать, а именно почувствовать) что такое эйцехоре, то наиболее явно это проявится тогда, когда вы проникнетесь эмпатией к существу, лишённому эйцехоре.

Возникает закономерный вопрос: может ли человек (человечество) исключительно своим волевым усилием (или же усилием веры) избавиться от эйцехоре, продолжая пребы-

вать ещё в своём привычном физическом обличье? Начиная от простых размышлений, как, например, в еврейском трактате Йома⁵, и заканчивая реальными попытками построить локальное идеальное общество, подобное Мюнстерской коммуне⁶, мы не отыщем примеров, способных ответить на заданный выше вопрос утвердительно.

К пониманию механизмов избавления от зла человечество шло веками и совершенно разными методами. Ошибаясь, выбирая порой ложные направления, продираясь сквозь тысячи встающих на тернистом пути противоречий. Однако ближе всех к истинному (насколько вообще истина доступна для нас) пониманию проблемы подошли богословы и философы, зачастую плодотворно смешивая религиозную и философскую мысль воедино. Были чётко выявлены два (или более) источника зла (о которых мы уже говорили) – внешний и внутренний факторы. И был поставлен главный вопрос

⁵ В этом трактате присутствует, помимо основного содержания, рассказ о том, как пророк Эзра и мужи Великого собрания вознамерились уничтожить йецер-хара. И вот, каким-то образом отменив его, они вдруг обнаружили, что жизнь будто остановилась и даже курицы перестали нести яйца. Они сделали вывод, что без йецер-хара существование и развитие мира невозможны.

⁶ Образованная радикальными анабаптистами коммуна, представлявшая собой теократический режим на территории Мюнстера (Вестфалия). Создана была в 1534 году Яном Матисом и Иоанном Лайденским (после смерти Матиса). Конфисковав церковно-монастырское имущество в осаждённом городе, коммуна отменила долги и денежное обращение, а все предметы потребления распределила между своими членами. Коммуна просуществовала всего лишь 14 месяцев, уничтоженная католическо-лютеранскими войсками, голодом и эпидемией внутри городских стен.

– как избавиться от влияния этих источников. Медицина боролась с болезнями, экономика – с бедностью, социальные институты – с невежеством; религии учили как противостоять греху и ориентироваться в мире соблазнов, а художники (в широком смысле) и мыслители пытались обобщить всю эту картину и сделать её выпуклой и ясной для осознания. Попробуем приблизительно и на простых примерах обрисовать исторический ход этого осмысления.

Для начала попробуем представить эйцехоре в виде некоей физической модели. Конструкция такая более всего походила бы, пожалуй, на кристаллическую решётку, а эйцехоре в этой решётке занимало бы место такого атома, на который приходится больше всего связей. Уберите этот условный атом – и материал, составленный из таких кирпичиков, либо рассыплется, либо приобретёт совершенно иные свойства. Такая «чёрная метка» в модели становится жизненно необходимой для полноценности материала; она может стать даже проводником тех свойств, которые никак нельзя отнести к «плохим». Всё хорошее будет вынуждено считаться с этим изъяном. В таком представлении может показаться, что эйцехоре как бы теряет свой безусловный атрибут зла, задвигая его в некую зону абстракции, или, по крайней мере, маскируясь под дуалистическую реальность, наподобие даосской монады, где без вечного следования друг за другом света (ян) и тьмы (инь) вообще невозможно существование

тварного мира⁷. Однако, по мнению Д. Андреева, зло объективно, и никакое абстрагирование от него не защитит человека от страданий, и, что самое главное, оно вовсе не является необходимостью для поддержания целостности вселенной. Вселенная прекрасно обходилась без него миллиарды лет (никогда не зная зла туманность Андромеды), обходится сейчас в большинстве других брамфатур (например, Ориона, навсегда изгнавшего все силы зла) и будет обходиться в будущем (в чём и состоит задача второго и третьего эонов в истории Шаданакара). Проблема в другом. Проблема в том, что в данный момент истории эйцехоре внедрено в человеческую сущность таким образом, что «изъять» его, не разрушив при этом телесность, не представляется пока возможным.

Конечно, существуют и существовали в прошлом отдельные личности, которые были способны огромным усилием воли и духа подавить в себе злое начало, сведя к минимуму воздействие эйцехоре. Но такая практика подавляющему числу людей не по силам. Пользуясь терминологией З. Фрейда⁸, разделявшего личность человека на три структурных

⁷ Инь-ян – в китайской философии фундаментальная модель сущего, объясняющая принципы Дао (всё постоянно меняется; противоположности взаимно дополняют друг друга). И поскольку в данной модели одно не может существовать без другого, то и никакой окончательной победы ни белого, ни чёрного невозможно. В таком случае человеку остаётся только соблюдать баланс и гармонию противоположностей.

⁸ Фрейд полагал структуру Оно (бессознательное) энергетической основой

компонента – *Оно* (бессознательное), *Я* (предсознательное) и *Сверх-Я* (сознательное), – можно предположить, что эйцехоре скрыто где-то в самых глубинах бессознательного, отчего с ним тяжело не только вести борьбу, но и просто идентифицировать его для фокуса этой борьбы. Вся эта борьба будет происходить в предсознательной зоне, где столкнутся не на жизнь, а на смерть не только сознательные культурные установки и чудовища из бездн бессознательного, но и сонмы призрачных проекций (своего рода симуляции реальности), сгенерированные бессознательным с целью окончательного запутывания борющихся друг с другом внутренних персонажей. Было бы слишком просто думать, будто некий механизм поместили в структуру человеческого мозга. Отвергнутая современной наукой теория триединого мозга⁹ могла бы запросто усмотреть эйцехоре где-нибудь в мозжечке и даже обосновать его пробуждение создаваемым деятельностью неокортекса напряжением с рептильной частью и наложением этого конфликта на лимбическую систему. Выглядело бы изящно и даже согласовывалось бы с фрейдовскими категориями *Оно*, *Я* и *Сверх-Я*. Но думается мне, что дела об-

личности, где содержатся врождённые инстинкты, которые, стремясь к своему удовлетворению, детерминируют поведение и деятельность субъекта. Таких инстинктов два – инстинкт жизни Эрос и инстинкт смерти Танатос.

⁹ Эту теорию разработал в 1960-х годах американский нейрофизиолог Пол Маклин. Он делил мозг человека на три иерархические области: рептильный мозг (древняя глубинная часть), лимбическая система (промежуточная часть) и неокортекс (высшая часть, отвечающая за сознания и эволюционно возникшая всего 400 тысяч лет назад).

стоят куда сложнее. Нужно обладать нечеловеческой остротой внимания и предельной ясностью мысли хотя бы для того, чтобы не побороть злое начало, нет, а просто перенаправить его (сублимировать¹⁰, если по Фрейдю) в некое созидательное русло, так, как делал, например, Шерлок Холмс (будучи хоть и литературным героем). «Так быстры, неслышны и вкрадчивы были его движения, точь-в-точь как у ищейки, взявшей след, что я вдруг подумал, каким бы страшным преступником он мог бы быть, если бы направил свой талант и свою энергию не в защиту закона, а против него», – писал А. К. Дойл в рассказе «*Знак четырёх*». А в другом месте мы можем прочесть и признание самого Холмса: «Признаюсь, Ватсон, я всегда думал, что из меня вышел бы замечательный преступник» («*Конец Чарльза Огастеса Милвертона*»). Но надо понимать, что подобная сублимация может оказаться уловкой, и это весьма ярко показано в другом романе – в книге «*Дремлющий демон Декстера*» Джеффи Линдсея, по которому сняли многим известный сериал «*Декстер*».

Особенно ярко влияние эйцехоре выражено в человеческой сексуальности. Сексуальность – это вовсе не составляющая инстинкта. Инстинкт – это у животных. И он имеет свои рамки. У человека же сексуальность выходит за все разумные пределы, затягивая в себя, словно воронка, зачастую

¹⁰ Сублимация – тип защитного механизма человеческой психики, позволяющий преобразовывать социально неприемлемые импульсы в акты более высокой социальной оценки (чаще всего лежащие в сфере искусства, науки и идеологии).

всю человеческую личность целиком и становясь его вторым «я», расщепляя сознательную сферу на нестыкующиеся друг с другом части. Не зря Фрейд в своём психоанализе уделял сексуальности такое важное место, придумав даже специальный термин — *либидо*¹¹. Сексуальность, как ничто другое, связана именно с физической телесностью. Принцип удовольствия, лежащий в её основе, в большинстве случаев становится лишь причиной страданий, порождая потоки гавваха и эйфоса. Но само удовольствие становится иллюзорным, всякий раз оставляя человеку лишь жалкие крохи с обещанного в мечтах пира. Андреев знает куда уходит большая часть «добычи» – в слои Дуггура (лунного ада): *«Восполнение жизненных сил бесчисленного населения Дуггура совершается за счет нашего слоя: излучение человеческой и отчасти звериной похоти, так называемый эйфос, беловатыми ручьями медленно и вязко движущееся вдоль улиц Дуггура; они его впивают в себя. Такая пища соответствует их собственному существу: похоть – смысл, цель, содержание и пафос их жизни. Острота наслаждений, испытываемых ими, во много раз сильнее, чем способны испытывать мы»*.

Именно по этой причине многие религии и духовные практики так отрицательно относятся к сексуальности, признавая за ней лишь право на продление рода. Хорошо, если

¹¹ Либидо – специфическая энергия, лежащая в основе полового влечения. В более широком смысле – это энергия инстинктов жизни, ведущая к созиданию, любви и гармонии.

вы Данте, Гёте, Петрарка или Тургенев, которым по силам было сублимировать сексуальное напряжение в выдающиеся образцы письменного искусства. В противном случае вас ожидает мало хорошего.

Очевидно, что борьба с эйцехоре требует какого-то иного подхода, тем более что следует освободить от него не горстку людей из имеющихся на земле восьми миллиардов, а всё человечество в целом. Согласитесь, такая задача требует совершенно иного подхода.

Интересно, что Фрейд, кроме того, привязывает свои три компонента личности через стадии развития (*прегенитальная, латентная и генитальная*) к определённым возрастным рамкам человека. Так *Оно* и *Я* развиваются на прегенитальной стадии от 0 до 6 лет; своё завершение в развитии *Я* получает в возрасте от 6 до 12 лет (за счёт расширения социальных контактов), и наконец *Сверх-Я* вступает в 12 лет в права и выводит подростка в сферу взрослой жизни. Это вполне соотносится с упомянутыми мной иудейскими представлениями о *йецер а-ра* и *йецер а-тов*. Изначально человеку, в понимании иудейской доктрины, вообще не присуще *йецер а-тов*, то есть до возраста 13 лет (у мальчиков) и 12 лет (у девочек) в человеке присутствует только «злое начало». Однако мы не находим среди детей толп законченных злодеев. Почему же так? Ребёнок, формирующий своё эго из стремления к удовольствиям и к познанию незнакомого мира, постепенно сужает область своего «я» до минималь-

ных размеров, отказываясь от ненужных, как ему кажется, вещей, и эйцехоре, до того курирующее всего лишь безотносительные к добру и злу инстинкты и интеллектуальные потребности, только тогда, вступая в противоречия с миром не-Я, включается в свою полную силу. В иудейской традиции этот момент перехода в религиозное совершеннолетие имеет даже специальное определение – бат-мицва («дочь заповеди», у девочек в 12 лет и 1 день) и бар-мицва («сын заповеди», у мальчиков в 13 лет и 1 день). Считается, что с этого момента человек уже сам отвечает перед Богом за свои дурные наклонности и поступки, в отличие от поры детства, когда за такие поступки отвечали перед Богом родители. Тем самым *йецер а-тов* привносится в человека из внешней среды (как и действие *Сверх-Я*), со стороны культуры (в данном случае со стороны иудейских заповедей). Этот прессинг общественных установок и обязанностей (отныне – не «хочу», а «надо») и пробуждает эйцехоре в полноте его силы. Впрочем, это просто мои мысли...

Фёдор Михайлович Достоевский, зачастую прозревавший в самую суть вещей и событий, наряду со многими отцами Церкви первых веков после Христа, предполагал, что *новое физическое тело человечества* (тело, не обременённое эйцехоре) будет в конце времён результатом духовного преобразования. В своих поздних размышлениях он помещал такое преобразованное человечество во времена *тысячелет-*

него Царства Христова¹² на земле, а не во времена *новой земли и нового неба*¹³. Неизбежность и необходимость физического преобразования была изложена им достаточно однозначно. В дневниках своих он писал, например, так:

«16 апреля.

...Возлюбить человека, *как самого себя*, по заповеди Христовой, – невозможно. Закон личности на земле связывает. Я препятствует. Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек. Между тем после появления Христа, как *идеала человека во плоти*, стало ясно как день, что высочайшее, последнее развитие личности именно и должно дойти до того (в самом конце развития, в самом пункте достижения цели), чтоб человек нашел, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего я, – это как бы уничтожить это я,

¹² Богословское понятие хилиазм (или милленаризм), основанное на 20-ой и 21-ой главах «Откровения Иоанна Богослова» и обозначающее тысячу лет жизни человечества, не подчинившегося Антихристу, на земле вместе с Христом до времени Страшного суда. Дословно в «Откровении» это звучит так: «И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертание на чело своё и на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет» (Откр. 20:4).

¹³ Состояние человечества после окончания Тысячелетнего царства и по завершении Страшного суда. Дословно: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет». (Откр. 21:1).

отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье. Таким образом, закон я сливается с законом гуманизма, и в слитии, оба, и я и все (повидимому, две крайние противоположности), взаимно уничтоженные друг для друга, в то же самое время достигают и высшей цели своего индивидуального развития каждый обо.

Это-то и есть рай Христов. Вся история, как человечества, так отчасти и каждого отдельно, есть только развитие, борьба, стремление и достижение этой цели.

Но если это цель окончательная человечества (достигнув которой ему не надо будет развиваться, то есть достигать, бороться, прозревать при всех падениях своих идеал и вечно стремиться к нему, – стало быть, не надо будет жить) – то, следственно, человек, достигая, оканчивает свое земное существование. Итак, человек есть на земле существо только развивающееся, следовательно, не оконченное, а переходное.

Но достигать такой великой цели, по моему рассуждению, совершенно бессмысленно, если при достижении цели всё угасает и исчезает, то есть если не будет жизни у человека и по достижении цели. Следственно, есть будущая, райская жизнь.

Какая она, где она, на какой планете, в каком центре, в окончательном ли центре, то есть в лоне всеобщего синтеза, то есть Бога? – мы не знаем. Мы знаем только одну черту

будущей природы будущего существа, которое вряд ли будет и называться человеком (следовательно, и понятия мы не имеем, какими будем мы существами). Эта черта предсказана и предугадана Христом, – великим и конечным идеалом развития всего человечества, – представшим нам, по закону нашей истории, во плоти;

эта черта:

"Не женятся и не посягают, а живут, как ангелы Божиим", – черта глубоко знаменательная.

1) Не женятся и не посягают, – ибо не для чего; развиваться, достигать цели, посредством смены поколений уже не надо и

2) женитьба и посягновение на женщину есть как бы величайшее оттолкновение от гуманизма, совершенное обособление пары от *всех* (мало остается для всех). Семейство, то есть закон природы, но все-таки ненормальное, эгоистическое в полном смысле состояние от человека. ...

NB. Антихристы ошибаются, опровергая христианство следующим главным пунктом опровержения: 1) "Отчего же христианство не царит на земле, если оно истинно; отчего же человек до сих пор страдает, а не делается братом друг другу?"

Да очень понятно почему: потому что это идеал будущей, окончательной жизни человека, а на земле человек в состоянии переходном. Это будет, но будет после достижения цели, когда человек переродится по законам природы оконча-

тельно в другую натуру, которая не женится и не посягает...

NB2. Атеисты, отрицающие Бога и будущую жизнь, ужасно склонны представлять всё это в человеческом виде, тем и грешат. Натура Бога прямо противоположна натуре человека. Человек, по великому результату науки, идет от многообразия к Синтезу, от фактов к обобщению их и познанию. А натура Бога другая. Это полный синтез всего бытия, саморассматривающий себя в многообразии, в Анализе.

Но если человек не человек – какова же будет его природа?

Понять нельзя на земле, но закон ее может предчувствоваться и всем человечеством в непосредственных эманациях... и каждым частным лицом».

В истории самого христианства пророчество о тысячелетнем царстве имело непростую судьбу, осмысливаясь в разные времена и разными богословами по-разному. В раннем христианстве многие еретические учения привносили ветхозаветные идеалы в образ тысячелетнего царства: спасение только для избранного Божьего народа («Царство Израиля») и представление о жизни в таком царстве как о чисто земных удовольствиях при полном отсутствии страданий. Позже, во времена Реформации, другой ересью прониклись некоторые протестантские секты (прежде всего анабаптисты), желающие огнём и мечом воздвигнуть на земле царство святых. Однако, развитие идеи тысячелетнего царства праведных наиболее полно и ярко шло всё же в дру-

гих традициях, берущих начало в трудах раннехристианских апологетов и развитых в Средние века аббатом Иоахимом Флорским¹⁴ и его учениками (учение о завершительной эпохе Святого Духа, куда стремится вся история человечества). Тысячелетнее царство здесь предстаёт уже в виде всеобщего братства, пребывающего с Христом на земле, среди прославленной природы и при отсутствии лишений и бед. Царство Божие на земле вовсе не замещало Небесного Иерусалима, о котором говорится в 21-ой главе «Откровения», но виделось как необходимый подготовительный этап к переходу к вечной жизни. У Достоевского представление об этой новой эпохе тоже претерпевает некоторые изменения. Он перемещает физическое преобразование человечества из времён *Новой Земли* во времена тысячелетнего царства. И здесь он прав, если принять во внимание то, что и у Даниила Андреева тысячелетнее царство есть не что иное, как переход человечества во второй эон. В «Розе Мира» мы читаем следующее: *«Второй эон, о котором свидетельствуют пророчества как о тысячелетнем царстве праведных, вступит в свои права. Его цель – спасение всех без исключения, кто сорвался, кто отстал, кто пал в глубину миров Возмездия, и преобразование всего Шаданакара. Ибо силы Гагтунгра, изгнанные из Энрофа, еще удержат власть в некото-*

¹⁴ Иоахим Флорский (1132 – 1202) – итальянский богослов, яркий мыслитель философско-мистического склада, родоначальник средневекового хилиазма (богословского понятия о тысячелетнем царстве Божиим на земле).

рых иных мирах и потому что в чистилищах и страдалищах останутся еще множества совершивших роковую ошибку в последние исторические эпохи... На земле же богочеловечество, не зная более разобщенности ни с Христом, ни с Звентой-Свентаной, но возглавляемое и направляемое ими, приступит к преобразованию и одухотворению того, что осталось от его предшественников в Энрофе: искаленной природы, городов и цивилизации».

В своей научной работе «Царствие Божие на земле в понимании Ф. М. Достоевского» А. Г. Гачева¹⁵ пишет следующее:

«Одну из сущностных черт нашей будущей природы, "предсказанную и предугаданную Христом", писатель выделил еще в записи у гроба первой жены: «*Не женятся и не посягают, а живут, как ангелы Божии*»... Речь идет об отсутствии природного, полового рождения, несущего в себе жало греха и смерти, обретении первоначальной телесной чистоты. Первоначально Достоевский относил эту новую, безгреховную природу к "новому небу и новой земле", к состоянию вечности. В подготовительных материалах к "Бесам" он указывает на то, что "жен и мужей" не будет уже в миллениуме,.. что уже на земле начнется просветление и одухотворение плоти людей. В черновых набросках к "Братьям Кара-

¹⁵ Анастасия Георгиевна Гачева (1966) – специалист по истории русской философии и русскому космизму, литературовед, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН, главный библиотекарь Музея-библиотеки Н.Ф. Федорова.

мазовым" намечает и другие линии преобразования:

Изменится плоть ваша (Свет фаворский).

Свет фаворский: откажется человек от питания, от крови – злаки...

А в письме Н. П. Петерсону от 24 марта 1878 года говорит о "воскресении первом", которое, согласно пророчеству "Откровения", предваряет "тысячелетнее царство": ... пропасть, отделяющая нас от душ предков наших, засыплется, победится побежденною смертию, и они воскреснут не в сознании только нашем, не аллегорически, а действительно, лично, реально, в телах. (Нота бене. Конечно, не в теперешних телах, ибо уж одно то, что наступит бессмертие, прекратится брак и рождение детей, свидетельствует, что тела в первом воскресении, назначенном быть на земле, будут иные тела, не теперешние, то есть такие, может быть, как Христово тело по воскресении его, до вознесения в Пятидесятницу...»).

Из всего вышесказанного мы можем видеть как представлялись выдающимися богословами и мыслителями этапы освобождения человечества от эйцехоре – от преобразования государств в братство, где будет приготавливаться тело к своей трансформе (у Даниила Андреева это время существования на земле Розы Мира, хотя он ясно проговаривал, что Розы Мира может и вовсе не случиться), до самой этой трансформы, в результате которой настанет Тысячелетнее царство.

Сам Христос после Своего воскресения продемонстрировал такое тело Своим ученикам. Он мог пить и есть, тело Его обладало плотностью, при том что Он при желании ходил по воде и проникал сквозь любые преграды. Вероятно, Он не испытывал уже ни жажды, ни боли и не был смертен в привычном нам понимании. Очевидно, что такое тело всё ещё оставалось *физическим*, но с совершенно иными свойствами, главным из которых, надо полагать, было полное отсутствие эйцехоре. Такая трансформа и должна была совершиться на земле ещё в годы жизни Христа. Именно с этой миссией Он и явился человечеству. Для такого преобразования людей потребовались как внешние условия (присутствие Самого Христа и деятельность Святого Духа), так и условия внутренние, должны исходить изнутри человека. Те заповеди, которые дал Христос, и были этими внутренними условиями. Физическое тело, в неуёмных потребностях которого заключены все основные пороки, должно было прежде утончиться, как бы смыть с себя шелуху суетного и жестокого мира, подготовиться к трансформе. И по достижении такой готовности начали бы работать в полную силу и условия внешние. Разумеется, не всем людям на земле удалось бы преобразиться. Особо упорствующие в своих привязанностях либо во все противящиеся таким перспективам оказались бы теми самыми плевелами, которые история отделила бы от семян. Но спасены за время этого второго эона должны будут и они, в этом одна из задач тысячелетнего царства. В «Розе Мира»

об этом сказано так: *«И встанет задача – завершение преобразования темных миров, начатого Христом еще в три великие дня между Голгофою и воскресением; преобразование безысходных страдалниц во временные чистилища, а чистилищ – в миры духовного врачевания и поднимание всех страдалцев сквозь эти слои в миры Просветления».*

К сожалению, всё пошло не по этому благому сценарию, и казнь Христа перечеркнула возможность скорого избавления от эйцехоре, отдалив это событие на тысячелетия в будущее. Об этом отдалённом времени и повествует «Откровение Иоанна Богослова». Но такой сценарий выглядит уже более жёстким по сравнению с тем, который не осуществился две тысячи лет тому назад.

Само человечество не способно избавиться себя от эйцехоре, сколь глубоко ни проникала бы наука в физиологию, психологию или генетику. И потому нам остаётся только одно – воздерживаться от греха (на личном уровне и на уровне сообществ и государств) всеми возможными способами (душевным усилием, социальными преобразованиями, развитием гуманитарных наук) и ждать второго пришествия не как акта возмездия, а как последней возможности своего спасения.

2 августа 2022 г.